

В тот день вражеское войско прислало вызов на бой, и их главный военачальник потребовал сразиться лично со мной. Я усмехнулся: раздражение, вызванное словами Мужун Син, как раз требовало выхода, и я был не прочь как следует сразиться, чтобы унять смуту в душе.

Когда я прибыл к месту сражения, враги уже ждали у того самого утеса. Как только вражеский командующий увидел меня, он, не говоря ни слова, взмахнул копьем и помчался навстречу. Я нахмурился и, выхватив меч, принял вызов.

Столкнувшись в бою, я с изумлением обнаружил, что мой противник — женщина. Она воскликнула: Это ты! Фэн Цзыцин! В её голосе, помимо удивления, проскальзывали нотки радости. Я же не понимал, чему тут радоваться.

Э-э... да ведь это принцесса, которая должна была выйти замуж за Сыжання! Та самая девушка, с которой мы столкнулись в вышивальном павильоне, когда Сыжань искал себе супругу, — та самая, что, не раздумывая, приставила меч к его горлу. При этой мысли моё лицо помрачнело. Мне было всё равно, как она оказалась на поле боя; раз она когда-то обидела Сыжання, значит, для меня, Фэн Цзыцина, она враг.

Я уже вытянул меч, готовясь к атаке, но принцесса внезапно развернула коня. Повернувшись в седле, она вся покраснела и, глядя на меня со спины, выпалила: Больше не сражаемся! Мое войско сдаётся!

Я замер на месте: ...А?

Что происходит? Армии едва успели сойтись, и вот уже... сдались?

Принцесса грациозно обернулась и озорно высунула язычок: Я сказала, больше не сражаемся. Вернувшись в свою страну, я велю отцу-королю прислать дань и признать правителя Государства Цзин своим сюзереном.

Я стоял в оцепенении, не в силах осмыслить происходящее: Почему?

Да чего ты такой болтливый? Я знаю, что не одолею тебя, а даже если бы могла — всё равно не хочу сражаться. В конце концов, я ведь... — её голос становился всё тише, словно она говорила сама с собой. Она подняла на меня свои темные глаза, снова улыбнулась, стегнула коня и вместе со своим войском умчалась прочь, подняв облако пыли.

Битва была выиграна без боя. Вскоре раздались оглушительные радостные крики моих солдат.

Я так и не понял, что это было за представление в исполнении принцессы и почему она вдруг передумала воевать. Впрочем, отсутствие войны — это хорошо. Теперь можно пораньше вернуться к Цин Хэну. Столько дней прошло, его раны наверняка уже полностью затянулись.

Улыбнувшись, я вместе с воинами поскакал обратно в лагерь.

Едва я вернулся, как собрался было сказать генералу Сюю, что намерен сегодня же отправиться в столицу, сообщить Фэн Иню эту радостную весть, а затем вернуться в Княжескую резиденцию. Но у самого входа в палатку меня перехватил человек. Он был бледен как полотно, на лице отражался крайний ужас. Увидев меня, он бросился навстречу и рухнул на колени. Его тело дрожало, а слова срывались: Ван... ваш слуга никчемн, молю, простите меня, ван... Господин Гу...

Я нахмурился. Сердце вдруг подпрыгнуло и замерло, сжатое в тисках. Глядя на это незнакомое лицо, я чувствовал ярость: он дрожал так сильно, что не мог вымолвить ни слова, и мне хотелось схватить его за горло, чтобы он наконец выплюнул то, что скрывал. Что с Цин Хэном?

Человек на коленях затрясся ещё сильнее и наконец выдал из себя: Господин Гу... господин Гу скончался несколько дней назад. Его тело всё ещё лежит в главном зале. Я виноват, я не уберег господина Гу, молю, простите меня!

Сердце пронзила острая, невыносимая боль, от которой перехватило дыхание. Долгое время я не мог произнести ни слова. Ты сказал... что? — мои зрачки сузились, мир вокруг померк.

Ведь когда я уезжал, мне обещали, что всё будет хорошо! Совсем недавно приходило письмо, что он поправляется. Как мог живой человек вот так просто исчезнуть? Невозможно!

Я схватил коленопреклоненного за ворот и, свирепо глядя на него, сквозь зубы процедил: Как ты смеешь! Как смеешь ты обманывать этого вана! Ты хоть понимаешь, что будет за ложь мне?

Он задрожал ещё сильнее, губы его дрожали, в голосе слышались рыдания: Пощадите, ван! Если бы мне дали десять жизней, я бы не посмел! Тело господина Гу лежит в поминальном зале, перед смертью он хотел увидеть вас. Мы отправляли гонцов, но не смогли найти вас, а без вашего приказа мы не смели его похоронить... Умоляю, вернитесь и взгляните, ведь сейчас такая жара...

Что он говорил дальше, я не слышал. Да и не мог слышать. Я словно потерял душу, внутри зияла пустота, будто я лишился чего-то самого важного. Я разжал руки и, шатаясь, побрел в свою палатку. Звуки вокруг стихли, мир стал огромным и пустым, и я остался в нём совсем один — в гнетущем, леденящем одиночестве.

Передав командование генералу Сюю, я вскочил на коня и во весь опор помчался к Княжеской резиденции. Но, вопреки ожиданиям, по дороге на меня устроили засаду.

Несколько людей в черном окружили меня. Я нахмурился, чувствуя, как внутри закипает тревога.

Проклятье! Цин Хэн ждет меня в резиденции!

Главарь нападавших спросил: Ты и есть князь Сян Фэн Цзыцин?

— Разумеется, это я! — я всё крепче сжимал рукоять меча, подавляя желание перерубить всех этих людей. — Что, решили совершить покушение?

Как только я произнес это, они бросились в атаку. Из-за охватившей меня тревоги я проявил неосторожность: расправившись с нападавшими, я сам получил несколько ран. Глядя на то, что кровь лишь слегка сочилась из них, я не придавал этому значения. Убрав меч и стегнув коня, я помчался дальше. Проезжая мимо почтовой станции, я даже не стал пить чай, просто сменил лошадь и продолжил путь. К счастью, больше на моем пути никто не вставал, и я благополучно добрался до дома. Дорогу, которую обычно преодолевают за три-четыре дня, я пролетел за сутки, загнав лошадь до смерти.

Когда я вошел в Княжескую резиденцию, там царила пугающая тишина. Слуги не проявляли никаких эмоций — ни радости, ни горя. Матушки не было в резиденции, Синжэня тоже никто не встретил. Я нахмурился, сердце колотилось в бешеном ритме.

Сегодняшний день был полон странностей, начиная с того незнакомца и заканчивая засадой... Цин Хэн ведь должен был быть в безопасности, верно?

Я поспешил во внутренний двор. Синжэнь как раз выходил из комнаты с чашей какой-то черной бурды. Он опустил голову, вздыхая над этой чашей, в его темных глазах не было привычного блеска. Погруженный в свои мысли, он не глядя врезался прямо в меня. Надув губы, он хотел было начать жаловаться, но, подняв глаза, увидел меня и широко открыл их. В глазах застыло изумление — он явно не ожидал, что я вернусь так скоро, и его реакция была вполне объяснима.

— Хо... хозяин! — Синжэнь от волнения начал заикаться, и у него ушло немало времени, чтобы выговорить это слово.

Я был не в себе. Хотел немедленно увидеть Цин Хэна, но Синжэнь загораживал проход в комнату. Я нахмурился: — Как сейчас Цин Хэн?

Услышав имя Цин Хэна, Синжэнь нахмурился ещё сильнее. Его лицо исказилось, губы задрожали, на глазах выступили слезы: Хозяин... господин Гу... его болезнь стала серьезнее. Даже тот господин не смог ничего сделать. Он уже несколько дней не приходит в себя, даже лекарство не может проглотить... Что нам делать, хозяин? Неужели господин Гу так и...

Я помрачнел и резко прервал его: Чепуху мелешь! С Цин Хэном всё будет в порядке, не говори ерунды! — я забрал из рук ошолбевшего Синжэня чашу с отваром. — Это его лекарство?

Синжэнь кивнул. Я прошел мимо него прямо в комнату. Сердце билось, как пойманная птица. Я не хотел верить словам Синжэня — не то чтобы я не доверял ему, я просто не смел верить. Я был эгоистом: если он уйдет, оставив меня здесь, что я буду делать? Ах... видимо, придется вернуться к первоначальному плану. В конце концов, теперь меня уже ничто не сдерживает. И пусть это приведет меня к полному краху, пусть пострадают те, кто не должен был страдать... но, как говорила Мужун Син, месть за Сыжэня... она должна состояться!

Не заметив как, я вошел в комнату. В поле зрения появился Цин Хэн. Он безмятежно лежал на кровати, его лицо было мертвенно-бледным. Лишенный своей привычной мягкой улыбки, он казался совершенно отстраненным. Я осторожно подошел, боясь разбудить спящего, но в то же время до смерти боясь, что он больше никогда не проснется. Мои шаги были то легкими, то тяжелыми.

В комнате курилась ароматическая горелка, тонкая струйка дыма, похожая на туман, мягко плыла по комнате, касаясь его лица и запутываясь в моих глазах, отчего он казался мне размытым.

Подойдя к кровати, я склонился над ним и тихо позвал по имени. Он не ответил, продолжая спать с закрытыми глазами.

Я вздохнул: Такой взрослый, а как же ты любишь поспать. Давай, просыпайся. Разве ты не обещал подождать моего возвращения? Я вернулся, но куда ты спрятал настоящего Цин Хэна?

Синжэнь, который неизвестно когда вошел вслед за мной, подал голос из-за спины. По его голосу было понятно, что он плачет: Хозяин... господин Гу...

Я обернулся и приложил палец к губам, призывая к тишине. Синжэнь послушно смолк. Я довольно улыбнулся, хотя от усталости улыбка вышла кривой. Повернувшись обратно, я снова вздохнул, осторожно приподнял его и прижал к своей груди. Ну вот... ничего с тобой не поделаешь. Спи, раз хочется, но... не думай, что если ты так спишь, то тебе не нужно пить лекарство. У меня есть способы заставить тебя его принять.

На моих губах заиграла хитрая усмешка. Я сделал глоток горького отвара, поднес его губы к своим и, приоткрыв их языком, влил лекарство внутрь. А затем, воспользовавшись моментом, позволил себе короткий поцелуй, прежде чем снова набрать отвар в рот. Так, глоток за глотком, я напоил его всей чашей.

Цин Хэн не сердился, не сопротивлялся и не дал мне пощечину. Ощущение того, как он тихо покоится в моих объятиях, позволяя мне делать с ним всё что угодно... было совсем не тем. Цин Хэн без своего привычного характера — это уже не Цин Хэн.

— Я говорю... Цин Хэн, ты вот так послушно позволяешь мне издеваться над собой? Ты привык к этому, что ли? Это не годится. Даже если ты привык, я за всю жизнь не смогу к этому привыкнуть...

— Хозяин... — снова позвал меня Синжэнь. В его голосе слышалось недовольство и беспокойство.

Я крайне бережно уложил Цин Хэна обратно на постель и обернулся к Синжэню, улыбнувшись, чтобы без слов заверить его, что со мной всё в порядке.

— Хозяин... вы ранены... кровь... — Синжэнь снова начал заикаться, глядя на меня.

Услышав это, я опустил взгляд на правое плечо. Не знаю, когда именно проступила кровь, но белые военные одежды окрасились в красный. Неудивительно, что Синжэнь заикался от беспокойства. — Это лишь царапина, ничего страшного.

Поднявшись, я снял окровавленный халат и бросил Синжэню, который всё ещё стоял с ошарашенным видом: Принеси мне другую одежду, в этом доспехе совсем неудобно.

Синжэнь кивнул и подал мне нежно-голубое одеяние. Пока я переодевался, я заметил, как дрогнули веки спящего Цин Хэна — казалось, он вот-вот проснется.

Сердце радостно вострепнулось. Прогнав Синжэня, который пытался помочь мне с одеждой, я, забыв о приличиях, снова сел на край кровати и взял Цин Хэна за руку. За эти дни он сильно похудел, его некогда ладные пальцы стали узловатыми, а кожа — болезненно-белой и жесткой на ощупь.

— Цин Хэн... — я звал его снова и снова, не заботясь, слышит ли он. Я думал лишь о том, что если повторять долго, он обязательно услышит.

И действительно, небеса были ко мне благосклонны: его веки медленно дрогнули и приоткрылись. Персиковые глаза, в которых таились черные как тушь зрачки, поначалу были затуманены, но постепенно в них отразился я — такой чистый и трогательный взгляд.

— Цин Хэн, ты проголодался? Если да, я велю кухарке что-нибудь приготовить, — я подавил нахлынувшую радость и, сдерживая порыв сжать этого едва проснувшегося человека в объятиях, мягко спросил его.

— ...Цзыцин? Ты разве не... — голос его, охрипший от долгого молчания, был чуть надтреснутым, что придавало ему особую притягательность.

— Синжэнь, беги за врачом! А потом скажи кухарке приготовить чего-нибудь легкого, — как только Синжэнь убежал, я повернулся к нему и улыбнулся, решив немного подшутить. Притворившись обиженным, я сказал: — Цин Хэн, неужели ты за эти дни так отупел, что даже меня не узнаешь?

Цин Хэн улыбнулся — его бледные губы чуть дрогнули, а персиковые глаза сузились. Я

невольно вздохнул: улыбка Цин Хэна была так прекрасна и благородна, не то что моя — стоит только раскрыть рот, и сразу видно, что я человек простой.

— Враг сдался, битва выиграна, мне пора возвращаться в столицу, — я помедлил и добавил: — Цин Хэн, то, что ты говорил мне раньше... что из этого правда?

— Я сам знаю, что не достоин тебя, Цзыцин. С таким искалеченным телом, как я могу быть рядом с тобой... Я обманывал тебя, это была моя ошибка. Сейчас я не хотел бы, чтобы ты видел меня таким... — его персиковые глаза опустились, взгляд метался, не находя опоры. Его тихий, замедленный голос вплетался в мои уши, словно рассеиваясь в воздухе, подобно ему самому. Мне показалось, что в одно мгновение он может исчезнуть, так и не успев воссоединиться со мной.

— Чушь! Какое ещё достоинство? Это я, князь без власти и влияния, не достоин тебя, великого государственного наставника! — я нахмурился, чувствуя легкое раздражение. Меня бесило, что Цин Хэн так упорно пытается оттолкнуть меня.

Достоин или нет... на самом деле, это я меньше всего достоин его. В глубине души я так и не смог отпустить Сыжана, и каждый раз, когда я вспоминал о нем, сердце словно раздирали когтями.

Цин Хэн замер, а через мгновение слегка улыбнулся — в этой улыбке сквозила какая-то смиренная печаль.

Я, глядя на него, тоже улыбнулся, встал и начал поправлять одежду, которая немного распахнулась на груди. Взгляд мой случайно упал на ярко-желтый наряд, и я на мгновение остолбенел, после чего поспешно опустил на колени.

Ну и ну, Синжэнь! Я просил его позвать врача, а он привел вместе с ним самого императора! Черт возьми, ещё и Мужун Син здесь. Я даже одеться толком не успел... Почему каждый раз, когда я встречаю Фэн Иня, я обязательно нарушаю этикет?

— Подданный не знал о визите императора и не успел встретить должным образом, молю, простите меня, Ваше Величество.

Сверху донесся голос Фэн Иня. Тон его был далек от дружелюбного, но он всё же протянул руку, помогая мне подняться, чтобы избавить от этих утомительных формальностей: Я просто играл в шахматы с Цинлинем, когда услышал от слуги твоего дворца, что государственный наставник пришел в себя, и решил зайти проведать. Не ожидал увидеть здесь дядю.

Тон действительно был недобрым. Вставая, я перехватил взгляд его фениксовых глаз, наполненных гневом.

Благодаря быстрой реакции Фэн Иня, который придержал меня, я не смог упасть ниц.

Вернувшись с границы без доклада... моя голова, кажется, начала подумывать о том, чтобы покинуть плечи.

Фениксовые глаза императора впились в мой небрежно распахнутый ворот. Я покраснел до корней волос и, забыв о приличиях, поспешно запахнул. Брат Цин Хэна отвернулся, проходя мимо меня к кровати больного. Мужун Син, напротив, с видом человека, наслаждающегося представлением, развалился на круглой деревянной табуретке, с чашкой чая в руках, и его глаза, казалось, вот-вот сойдутся в одну линию от смеха.

— Разве дядя сейчас не должен быть на границе? Вернулся, а нам с племянником и слова не сказал.

Его фениксовые глаза спустя долгое время наконец оторвались от меня, переметнулись на неподвижного Цин Хэна, а затем снова вернулись к моему лицу. Я украдкой вытер пот со лба: — Подданный... получил донесение, что Цин Хэн... э-э, я велел генералу Суню передать весть императору... — глаза Фэн Иня сузились, и я добавил: — Разве Ваше Величество не знали?

Я нахмурился. Судя по выражению лица Фэн Иня, он был не в курсе. Вероятно, письмо гонцов задержалось, и он не получил вестей от дяди.

В этот момент, когда неловкость достигла предела, брат Цин Хэна вскрикнул, и в моих ушах раздался полный слез голос: Старший брат...

— Что случилось?

Я поспешно обернулся, сердце вмиг сжалось — ужасное чувство. Я даже не заметил, что он назвал его старшим братом, а не младшим.

Грудная клетка Цин Хэна больше не вздымалась. Мои зрачки сузились при виде этого безжизненного лица.

— Князь... старший брат...

Оказалось, что пока мы говорили, Цин Хэн неизвестно когда закрыл глаза. И, закрыв их, уже не открыл... На его губах застыла легкая улыбка, но я больше никогда не услышу его голоса...

Цин Хэн, ты же должен был понимать мои чувства! Как ты мог! Как ты мог...

Цин Хэн, я был прав — ты никогда не держишь своих слов. Разве не обещал быть со мной всю жизнь? Ушел, ничего не сказав! Что это значит! Мне нужно было столько тебе сказать...

Цин Хэн...

Ты так жесток.

Кривая усмешка тронула мои губы. Под пристальными взглядами Фэн Иня и остальных я, словно в забытьи, вышел из комнаты. Заложив руки за спину, я смотрел на бледно-голубое небо за галереей, пытаясь сдержать то, что не должно было вырваться наружу.

— Хозяин...

За спиной кто-то позвал меня. По голосу это был Синжэнь, в котором слышалась тревога.

То, что я с таким трудом пытался удержать, всё же прорвалось наружу. Слезы катились по лицу, обжигая, а затем становясь ледяными. Невыразимая боль терзала сердце.

Что ж, мне пора забыть об этом нелепом чувстве...

Только вот... как это сделать?

Я поднял руку, чтобы вытереть слезы — то, что не подобает мужчине. Когда я обернулся, почувствовал, как сердце болезненно дернулось. В голове зашумело, перед глазами всё поплыло. Опустив взгляд, я увидел, что моя новая, нежно-голубая одежда пропиталась чем-то темно-синим, а под ней проступала кровь.

Это...

Я приоткрыл воротник и увидел, что нож, которым меня ранили в засаде, был отравлен. Черная как смоль кровь сочилась из раны, пропитывая ткань и лишая нежно-голубое одеяние его цвета.

Раздался испуганный крик Синжэня. Когда моя голова вот-вот должна была коснуться земли, кто-то подхватил меня. В полузабытьи мне показалось, что это был Фэн Инь.

Когда я очнулся, я лежал на кушетке. Перед глазами плыл белый балдахин, а рядом я увидел лицо Синжэня, залитое слезами и соплями. За окном благоухали цветы, щебетали птицы — должно быть, они играли, радуясь жизни.

Постойте... я лежу на кровати, а значит...

Я протянул руку, ощупывая кровать, но, кроме постельного белья, там ничего не было. Того холодного тела, которое я ожидал встретить...

— Где Цин Хэн?!

Я нахмурился, в голосе зазвучали гневные нотки. Синжэнь, стоявший рядом, вмиг сменил радостное выражение лица на скорбное.

— Хозяин, господин Цинлин и девушка по имени Цин Лянь забрали господина Гу. Сказали, что отвезут его домой, чтобы похоронить...

<http://bllate.org/book/21938/2279253>